После этого я провёл несколько месяцев в изоляции дома. Но даже тогда со мной никто не связывался.

Ансамбль, опера, мюзикл – никто из них.

Я думаю, что это было результатом того, что я не формировал отношения, но... я просто чувствовал, что самоуничтожаюсь. Что было ещё смешнее, так это то, что когда банковский счет начал пустеть, я выполз из дома.

Мне всё ещё нужно было есть и жить, поэтому я должен был петь. Но всё же я не мог вернуться в те ансамбли и оперы, которые уже знали меня в лицо. Моя никчёмная гордость этого не допустит.

Потому что это было бы унизительно.

Поэтому я ходил и пел везде, где только можно.

– Вау. Ты действительно слишком хорошо поёшь… Ты певец?

– Пожалуй, в какой-то степени…

Свадебные гимны, церковные песни, песни на вечеринках, тренер по вокалу... я даже ходил в храм, чтобы петь. Жизнь, полная пения, как машина, приносящая пищу в рот.

Мне казалось, что я превратился в музыкальный автомат – машину, в которой нажатие кнопки приводит к запуску понравившейся песни. Что-то вроде бездушного пения.

Без особой практики, просто выходя выпить и болтаться вокруг, живя как человеческий музыкальный автомат.

Однажды

Кажется, это был Сочельник.

Белый канун Рождества, наполненный падающим снегом.

Сверкающие огни синего и красного, голограммы заполняли стороны дорог, а церкви были наполнены прекрасным звоном, когда собирались люди.

Счастливая ночь с улыбками на всех лицах.

Я подошёл к тому месту, где хоры сидели в церкви, после того, как выпил большой бокал со знакомыми.

– Я думал, ты сегодня поёшь в церкви? Это так? И всё же ты пьёшь? Всё в порядке, всё в порядке, ты ведь достаточно опытен? Кук-Кук, сумасшедший ублюдок. Допивай.

Такой разговор состоялся, я думаю.

Стараясь изо всех сил очистить голову от головокружения из-за алкоголя, я встал, когда настала моя очередь петь.

Узнав, что я раньше был в ансамбле, церковь дала мне сольную партию. Конечно, за неё были согласны платить, так что я с готовностью согласился.

Глаза сотен верующих, заполнивших церковь, устремились на меня, медленно поднимавшегося вверх. Но я был достаточно пьян, чтобы даже не осознавать этого.

"Чёрт возьми... я хочу домой".

Имея такие мысли, я по привычке открыл папку с партитурой. Название тут же попалось мне на глаза.

Святая ночь. Cantique de Noël.

Это была песня внутри моей партитуры. В конце концов, это была знаменитая рождественская песня. Оперу и христианство было трудно отделить друг от друга, и поэтому песня была уже освоена. Как только тело вспомнило, я открыл рот. Я даже не чувствовал, какие слова слетают с моих губ, но... натренированное тело было верным.

Даже забытые тон и звук были немедленно вызваны после получения партитуры.

– О, ночь. Это святая ночь.

Да, это было где-то в таком духе. Священная песня, прославляющая рождение Иисуса. Я проревел слова этой песни пьяным голосом. Глядя затуманенные взором на сотни молчаливых верующих, уставившихся на меня, я разыгрывал из себя опытного оперного певца.

Это было совсем не трудно.

У меня был такой тип телосложения, когда трудно было сказать, пьян я или нет. И кроме того, хотя я не был протестантом, я был католиком, так что подражать верующему было просто.

Высшая точка.

Я читаю партитуру, как будто это машина. FF? Ты имеешь в виду кричать очень сильно, да? Судя по тому, что бобовый росток (1) висит высоко, это довольно высокая нота.

Это не было проблемой. Мне просто нужно было закрыть вокальный аккорд, увеличить субглоттальное давление, расширить резонирующую камеру внутри рта и усилить звук. Одного этого было достаточно для того, чтобы воздух имел сильное давление, необходимое для вибрации церкви.

– Этой ночью...

В одно мгновение я выпустил из легких весь воздух и закрыл рот.

Тишина.

Музыка затихла, и вскоре безмолвная церковь наполнилась громкими хлопками, и, посмотрев на эту сцену глазами дохлой рыбы, я вернулся на своё место.

"Моя роль закончена... я могу просто пойти домой?"

Отпустив всё, что было у меня в голове, я неуклонно следил за временем, и вскоре вечерня закончилась.

Я небрежно надел куртку и выглянул наружу, когда в глаза мне попала маленькая тень. Когда я подсознательно повернул туда глаза, то увидел медленно приближающуюся старую леди.

Пожилая дама с очевидными признаками течения времени.

Грубый красный шарф. Белый кусок ткани окутал безжизненные волосы. Руки, испещрённые морщинами.

Подняв свои дрожащие руки, она крепко схватила меня за руки и пока я был удивлён, старая леди медленно подняла глаза.

Были видны её глаза, покрытые белым налётом. Старая леди смотрела прямо на меня этими глазами и счастливо улыбалась.

– Сэр, ваш гимн... он был очень... очень хорош. Спасибо... я чувствую себя очень ... очень счастливой.

Даже после того, как я внимательно огляделся, рядом с ней никого не было – только старая леди держала трость дрожащими руками.

Рождественский сочельник. В ту ночь, когда происходит самый большой праздник церкви, эта старая леди, у которой были проблемы с собственным передвижением, стояла сама по себе… моё сердце было тяжёлым после грубого понимания ситуации.

Я уже собирался открыть рот, но передумал. Я просто закрыл глаза и опустил голову. Это был единственный ответ, который я мог показать.

Если я открою рот, то запах алкоголя, естественно, дойдёт до неё.

Для человека, которому нравилась песня такого жалкого человека, как я… я не мог сказать ей, что это была песня, спетая без особого энтузиазма после выпивки.

Пожилая дама, которая трясущимися руками хватала меня за руки, медленно возвращалась домой, несколько раз попрощавшись и с трудом опираясь на трость.

Я, который смотрел на эту спину, был окутан желанием вырваться вверх!

С суровым лицом я открыл дверь церкви и вышел. Холодный декабрьский ветер трепал одежду, когда сильный снегопад отражал свет от голограмм и сиял. Из-за снегопада я огляделся вокруг, но куда бы ни смотрели мои глаза, я не мог найти, куда ушла та старая леди.

Через какое-то время пристально посмотрел на прохожих я просто пошёл, куда глаза глядят.

Медленные шаги вскоре превратились в быстрые шаги и, наконец, перешли в спринт.

Яркий фон растаял и исчез. Дорога немного потемнела после пробежки, и мое лицо, подставленное холодному ветру, казалось, сильно горит.

– Ха… ха…

Тело, не привыкшее к физическим упражнениям, было опустошено, и пальцы на ногах замёрзли, как будто снег попал в обувь. Разрушенный алкоголем желудок выталкивал кислоту вверх.

– ААА…

Такое чувство, будто внутри что-то кипело – что-то горячее. Чувства, которые были осаждены чёрным, пылали красным огнём. Звук вырвался наружу без моего участия.

– ААА!!!

Поскользнувшись, я поехал по льду. Нога, ударившаяся о землю, взмыла в небо, и всё тело откинулось назад.

Бах!

Затылок ударился о землю именно так.

– А!

Мозг начал отключаться от невероятного сотрясения.

Холодный лед под телом казался далёким, и вот так, с распростёртыми объятиями, я лежал.

"Здесь на удивление удобно".

Сквозь мутные глаза можно было разглядеть падающий с неба снег. Теперь, когда я думаю об этом, я понял, что уже давно не смотрел на небо.

Когда я смотрел спокойно, я мог видеть облака, заполняющие ночное небо, а также звёзды, слегка просвечивающие сквозь них. И, заглушая звёзды и подобные им облака, полная луна раздражающе ярко вошла в поле моего зрения.

И под этой луной я увидел раскачивающийся колокол на вершине церковной башни.

Видение медленно расплылось, и до меня донёсся слабый звук колокола, отбившего двенадцать часов.

Динь!

Дон!

Это случилось на Рождество.

---

1. Ноты часто для детей называют бобовыми ростками, потому что есть некоторое сходство.

http://tl.rulate.ru/book/39225/847411